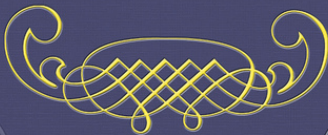

**В. Г.
БЕНЕДИКТОВ**

Владимир Григорьевич Бенедиктов

Сборник стихотворений 1838 г.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3138635

Аннотация

«Одеты ризою туманов
И льдом заоблачной зимы,
В рядах, как войско великанов,
Стоят державные холмы.
Привет мой вам, столпы созданья,
Нерукотворная краса,
Земли могучие восстанья,
Побеги праха в небеса!..»

Содержание

Горные выси	5
Перл	7
Развалины	8
(Кудри)	10
Певец	13
Море	16
Искра	25
Возвратись!	27
К...му	31
Холодное признание	33
Заря	34
Пожар	35
Предостережение	38
Горячий источник	40
Услышанная молитва	41
Жизнь и смерть	43
Возвращение незабвенной	45
К ней же	49
Прости!	52
За – невский край	55
Радость и горе	59
К черноокой	61
Бездна	62

А. Б....НУ	64
К аLINE	67
Жажда любви	69
Отрывки	71
Я не люблю тебя	77
Ватерлоо	80
Бивак	89
Улетевшим мечтам	91
Евгении Петровне Майковой	92
Две прелестницы	94
Обновление	96

Владимир Григорьевич Бенедиктов Сборник стихотворений 1838 г.

Горные выси

Одеты ризою туманов
И льдом заоблачной зимы,
В рядах, как войско великанов,
Стоят державные холмы.
Привет мой вам, столпы создания,
Нерукотворная краса,
Земли могучие восстанья,
Побеги праха в небеса!
Здесь – с грустной цепи тяготенья
Земная масса сорвалась,
И, как в порыве вдохновенья,
С кипящей думой отторженья
В отчизну молний унеслась;
Рванулась выше... но открыла
Немую вечность впереди:
Чело от ужаса застыло,

А пламя спряталось в груди:
И вот – на тучах отдыхая,
Висит громада вековая,
Чужая долу и звездам:
Она с высот, где гром рокочет,
В мир дольний ринуться не хочет,
Не может прыгнуть к небесам.

О горы – первые ступени
К широкой, вольной стороне!
С челом открытым, на колени
Пред вами пасть отрадно мне.
Как праха сын, клонюсь главою
Я к вашим каменным пятам

С какой – то робостью, – а там,
Как сын небес, пройду пятою
По вашим бурным головам!

Перл

Что такое счастье наше?
Други милые, оно —
Бытия в железной чаше
Перл, опущенный на дно.
Кто лениво влагу тянет
И боится, что хмельна,
Слабый смертный, — не достанет
Он жемчужного зерна!
Кто ж, согрев в душе отвагу,
Вдруг из чаши дочиста
Гонит жизненную брагу
В распаленные уста —
Вот счастливец! — Дотянулся —
Смело чашу об земь хлоп!
Браво! Браво! — Оглянулся:
А за ним отверстый гроб!

Развалины

Обломки... Прах... Все сумрачно и дико!
В кусках столбы – изгнанники высот;
В расселины пробилась повилика
И грустная по мрамору ползет.
Там – чуть висят полунагие своды;
Здесь – дряхлая стоит еще стена,
Она в рубцах; ее иссекли годы
И вывели узором письма;
Прочли ль вы их? – Здесь летопись природы
На зодчестве людей продолжена.

Здесь время быть художником желало
И медленно, огнем и влагой бурь
Согнав долой и пурпур и лазурь,
Таинственные краски набросало,
И, наступив широкою пятой
На мрачные, безмолвные руины,
Любуется могильной красотой
Без кисти им написанной картины.
Тут башня опочила, преклонясь,
Встававшая на небо великаном,
Теперь своим полуистлевшим станом
На груды прежде павших оперлась
И старчески лежит, облокотясь.

Дщерь времени! Тебя изъело тленье,
Исчезло все – и крепость и краса,
Устала ты лететь на небеса
И, бременная, легла в изнеможенье.

Вот ночь. Луна глядит как лик земли,
В серебре ее чрезовлачного взгляда,
Сквозь пар ночной, на вышине, вдали
Является нестройная громада —
Без очерков, как призрак без лица,
И грудями колонн разбитых звенья
Виднеются – под желтой пылью тленья
Разбросаны, как кости мертвеца,
Лишенные святого погребенья.
Немая тишь... Один неровный шум
Своих шагов полночный путник слышит,
И возмущен в нем рой неясных дум —
И все окрест глубокой тайной дышит.

(Кудри)

Кудри девы – чародейки,
Кудри – блеск и аромат,
Кудри – кольца, струйки, змейки,
Кудри – шелковый каскад!
Вейтесь, лейтесь, сыпьтесь дружно,
Пышно, искристо, жемчужно!
Вам не надобен алмаз:
Ваш извив неуловимый
Блещет краше без прикрас,
Без перловой диадемы,
Только роза – цвет любви,
Роза – нежности эмблема —
Красит роскошью эдема
Ваши мягкие струи.
Помню прелесть пирной ночи:
Живо помню я, как вы,
Задремав, чрез ясны очи
Ниспадали с головы:
В ароматной сфере бала,
При пылающих свечах,
Пышно тень от вас дрожала
На груди и на плечах;
Ручка нежная бросала
Вас небрежно за ушко,

Грудь у юношей пылала
И металась высоко.
Мы, смущенные, смотрели —
Сердце взорами неслоь,
Ум тускнел, уста немели,
А в очах сверкал вопрос.
(Кто ж владелец будет полный
Этой россыпи златой?
Кто – то будет эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто из нас, друзья – страдальцы,
Будет амбру их впивать,
Навивать их шелк на пальцы,
Поцелуем припекать,
Мять и спутывать любовью
И во тьме по изголовью
Беззаветно рассыпать?)

Кудри, кудри золотые,
Кудри пышные, густые —
Юной прелести венец!
Вами юноши пленялись,
И мольбы их выражались
Стуком пламенных сердец,
Но снедаемые взглядом
И доступны лишь ему,
Вы ручным бесценным кладом
Не далися никому:
Появились, порезвились —

И, как в море вод хрусталь,
Ваши волны укатились
В неизведанную даль!

Певец

Бездомный скиталец – пустынный певец —
Один, с непогодой в споре,
Он реет над бездной, певучий пловец
Безъякорный в жизненном море;
Всё в даль его манит неведомый свет:
Он к берегу рвётся, а берега нет.

Он странен; исполнен несбыточных дум,
Бывает он весел – ошибкой;
Он к людям на праздник приходит – угрюм,
К гробам их подходит – с улыбкой;
Всеобщий кумир их ему не кумир; —
Недаром безумцем зовёт его мир!

Он ищет печалей – и всюду найдёт.
Он вызовет, вымыслит муки,
Взлелеет их в сердце, а там перельёт
В волшебные, стройные звуки,
И сам же, обманутый ложью своей,
Безумно ей верит и плачет над ней.

Мир чёрный бранит он и громы со струн
Срывает карающей дланью:
Мир ловит безвредно сей пышный перун,

Доволен прекрасною бранью;
Ему для забавы кидает певец
Потешное пламя на мрамор сердец!

Перед девой застенчив; он милой своей
Не смеет смутить разговором;
Он, робкий, трепещет приблизиться к ней,
Коснуться к ней пламенным взором; —
Святое молчанье смыкает уста,
Кипучая тайна в груди заперта;

И если признаньем язык задрожит —
Певец не находит напева,
Из уст его буря тогда излетит,
И вздрогнет небесная дева,
И трепетный ангел сквозь пламя и гром
Умчится, взмахнув опалённым крылом.

Захочет ли дружбе тогда протянуть
Страдалец безбрачную руку —
На чью упадёт он отверстую грудь?
Родной всему свету по звуку,
Он тонет в печальном избытке связей.

Врагов он находит, – но это рабы,
Завистников рой беспокойных;
Для жарких объятий кровавой борьбы
Врагов ему нету достойных:
Один, разрушитель всех собственных благ

Он сам себе в мире достойнейший враг!

Море

В вечернем утишии покоятся воды,
Подёрнуты лёгкой паров пеленой;
Лазурное море – зеркало природы —
Безрамной картиной лежит предо мной.
О море! – ты дремлешь, ты сладко уснуло
И сны навеваешь на душу мою;
Свинцовая дума в тебе потонула,
Мечта лобызает поверхность твою.
Отраднa, мила мне твоя бесконечность;
В тебе мне открыта красавица – вечность;
Брега твои гордым раскатом ушли
И скрылась от взора в дали безответной:
У вечности также есть берег заветный,
Далёкий, незримый для сына земли;
На дне твоём много сокровищ хранится,
Но нам недоступно, неизвестно оно;
И в вечности также, быть может, таится
Под тёмной пучиной богатое дно,
Но, не дано силы уму – исполину:
Мысль кинется в бездну – она не робка,
Да груз её лёгок и нить коротка!

Солнце в облаке играет,
Запад пурпуром облит,

Море солнца ожидает,
Море золотом горит;
И из облачного края
Солнце, будто покидая
Пелены и колыбель,
К морю сладостно склонилось
И младенцем погрузилось
В необъятную купель;
И с волшебной полутьмою
Ниспадая свысока,
В море пышной бахромою
Окунулись облака.

Безлунна ночь. Кругом она
Небрежно звезды разметала,
Иные в тучах затеряла,
И неги тишь ее полна.
И небеса и море дремлют,
И ночь, одеянную мглой,
Как деву смуглую объемят
И обнялись между собой.
Прекрасны братские объятия!
Эфир и море! – Вы ль не братья?
Не явны ль очерки родства
В вас, две таинственные бездны?
На море искры – проблеск звездный
На небе тучи – острова;
И, кажется, в ночном уборе
Волшебно опрокинут мир:

Там – горнее с землями море,
Здесь, долу – звезды и эфир.

Чу! там вздохи переводит
неги полный ветерок;
Солнце из моря выходит
На раскрашенный восток,
Будто бросило купальню
И, любовью горя,
Входит в пурпурную спальню
Где раскинулась заря,
И срывая тени ночи,
Через радужный туман
Миру в дремлющие очи
Бьет лучей его фонтан.
Солнце с морем дружбу водит,
Солнце на ночь к морю сходит, —
Вышло, по небу летит,
С неба на море глядит,
И за дружбу неба брату
От избытка своего
Дорогую сыплет плату,
Брызжет золотом в него;
Море злата не глотает,
Отшибает блеск луча,
Море гордо презирает
Дар ничтожный богача;
Светел лик хрустально – зыбкой,
Море тихо – и блестит,

Но под ясною улыбкой
Думу темную таит:

«Напрасно, о солнце, блестящею пылью
С высот осыпашь мой вольный простор!
Одежда золотая отраднa бессилью,
Гиганту не нужен роскошный убор.
Напрасно, царь света, с игрою жемчужной
Ты луч свой на персях моих раздробил:
Тому ль нужны блески и жемчуг наружной,
Кто дивные перлы в груди затаил?
Ты радуешь, греешь пределы земные,
Но что мне, что стрелы твои калены!
По мне проскользая, лучи огневые
Не греют державной моей глубины».

Продумало море глубокую думу;
Смирна его влага: ни всплеска, ни шуму!
Но тишь его чем – то грозящим полна;
Заметно: гиганта томит тишина.
Сон тяжкий его оковал – и тревожит,
Смутил, взволновал – и сдавил его грудь;
Он мучится сном – и проснуться не может,
Он хочет взречься – и не в силах дохнуть.
Взгляните: трепещет дневное светило.
Предвидя его пробуждения миг,
И нет ли где облака, смотрит уныло,
Где б спрятать подернутый бледностью лик...

Вихорь! Взрыв! – Гигант проснулся,
Встал из бездны мутный вал,
Развернулся, расплеснулся,
Закипел, заклокотал.
Как боец, он озирает
Взрытых волн степную ширь,
Рыщет, пенится, сверкает —
Среброглавый богатырь!

Кто ж идет на вал гремучий?
Это он – пучины царь,
Это он – корабль могучий,
Волноборец, храм пловучий,
Белопарусный алтарь!
Он летит, ширококрылый,
Режет моря крутизны,
В битве вервия, как жилы
У него напряжены,
И как конь, отваги полный,
Выбивает он свой путь,
Давит волны, топчит волны,
Гордо вверх заносит грудь.
И с упорными стенами,
С неизменною кормой,
Он, как гений над толпой,
Торжествует над волнами.
Тщетно бьют со всех сторон
Влажных гор в него громады:
Нет могучему преграды!

Не волнам уступит он —
Нет; пусть прежде вихрь небесный,
Молний пламень перекрестный
Мачту, парус и канат
Изорвут, испепелят!
Лишь тогда безвластной тенью
Труп тяжелый корабля
Влаги бурному стремленью
Покорится, без руля...

Свершилось... Кончен бег свободной
При вопле бешеных пучин
Летит на грань скалы подводной
Пустыни влажной бедуин.
Удар – и взят ревущей бездной,
Измят, разбит полужелезной,
И волны с плеском на хребтах
Разносят тяжкие обломки,
И с новым плеском этот прах
От волн приемлют их потомки.
О чем шумит мятежный рой
Сих чад безумных океана?
Они ль пришельца – великана
Разбили в схватке роковой?
Нет; силы с небом он изведаль,
Под божьим громом сильный пал,
по вихрю мысли разметал,
Слепым волнам свой остров предал,
А груз – пучинам завещал;

И море в бездне сокровенной
тот груз навеки погребло
И дар богатый, многоценной
В свои кораллы заплело.

Рев бури затихнул, а шумные волны
Все идут, стремленья безумного полны; —
Одни исчезают, другим уступив
Широкое место на вечном просторе.
Не тот же ль бесчисленных волн перелив
В тебе, человечества шумное море?
Не так же ль над зыбкой твоей шириной
Вослед за явленьем восходит явленье,
И время торопит волну за волной,
И волны мгновенны, а вечно волненье?

Здесь – шар светоносный над бездной возник,
И солнце свой образ на влаге узнало,
А ты, море жизни, ты – божье зеркало,
Где видит он, вечный, свой огненный лик!

О море, широкое, вольное море!
Ты шумно, как радость, глубоко, как горе;
Грозна твоя буря, светла твоя тишь;
Ты сладко волненьем душе говоришь.

Люблю твою тишь я: в ней царствует нега;
На ясное, мирное лоно твое
Смотрю я спокойно с печального берега,

И бьется отрадное сердце мое;
Но я не хотел бы стекла голубого
В сей миг беспокойной ладьей возмутить
И след человека – скитальца земного —
На влаге небесной безумно чертить.

Когда ж над тобою накатятся тучи,
И ветер ударит по влаге крылом,
И ал твой разгульный, твой витязь могучий,
Серебряным гребнем заломит шелом,
И ты, в красоте величавой бушуя,
Встаешь, и стихий роковая вражда
Кипит предо мною – о море! тогда,
Угрюмый, от берега прочь отхожу я.
Дичусь я раскатов валов твоих зреть
С недвижимой границы земного покоя:
Мне стыдно на бурю морскую смотреть,
Лениво на твердом подножьи стоя.
Тогда, если б взор мой упал на тебя,
Тобою бы дико душа влюбовалась,
И взбитому страстью, тебе б показалась
Обидной насмешкой улыбка моя,
И занято небо торжественным спором,
Сияя в венце громового огня,
Ты б мне простонало понятным укором,
Презрительно влагой плеснуло в меня!

Я внемлю разливу гармонии дивной...
Откуда?.. Не волны ль играют вдали?

О море, я слышу твой голос призывной,
И рвусь, и грызу я оковы земли.
О, как бы я жадно окинул очами
Лазурную рябь и лазурную твердь!
Как жадно сроднился б с твоими волнами!
Как пламенно бился б с родными насмерть!
Я понял бы бури музыку святую,
Душой проглотил бы твой царственный гнев,
Забыл песни неги, и песнь громовую
Настроил под твой гармонический рев!

Искра

Дикий камень при дороге
Дремлет глыбою немой;
В гневе гром, земля в тревоге:
Он недвижим под грозой.
Дни ль златые улыбнуться —
Всюду жизнь заговорит,
Всюду звуки отольются:
Глыба мертвая молчит;
Все одето ризой света,
Все согрето, а она —
Серым мхом полуодета
И мрачна и холодна.

Но у этой мертвой глыбы
Жизни чудное зерно
В сокровенные изгибы
До поры схоронено.
Вот – удар! Она проснулась,
Дикий звук произнесла,
И со звуком – встрепенулась
Брызга света и тепла:
Искра яркая вспрыгнула
Из темницы вековой,
Свежим воздухом дохнула,

Красной звездочкой блеснула,
Разгорелась красотой.
Миг еще – и дочь удара
В тонком воздухе умрет,
Иль живым зерно пожара
Вдруг на ветку упадет, —
Разовьется искра в пламень,
И, дремавший в тишине,
Сам ее родивший, камень
Разрушается в огне.
Долго дух в оцепененьи
Безответен и угрюм,
Долго в хладном онеменьи
Дремлет сердце, дремлет ум;
Долго искра золотая
В бездне сумрачной души,
В божий мир не выступая,
Спит в бездейственной тиши;
Но удар неожиданный грянет —
Искра прынет из оков
И блистательно проглянет
Из душевных облаков,
И по миру пролагая
Всепалящей силой путь,
И пожары развивая,
Разрушает, огневая,
Огнетворческую грудь.

Возвратись!

В поход мы рядились; все прихоти – в пламень,
А сабли на отпуск, коней на зерно; —
О, весело шаркать железом о камень
И думать: вот скоро разыграет оно!
Вот скоро при взмахе блеснет и присвистнет!
Где жизнь твоя, ратник? Была такова!
Фонтанами влага багровая прыснет,
Расколото сердце, в ногах голова!
А кони – а кони – я помню лихова!
Казацкая прелесть; глаза – два огня;
Друзья любовались, и чаша донскова
Ходила во здравье донского коня.
Он ратный сочлен мой, я мыслил порою,
Я праведной чести с него не сниму:
Пол – бремени пусть он разносит со мною,
А славу добуду – пол – славы ему!

Уже мы если, снаряженные к брани,
Родным и знакомым последний привет;
Гремучие клики прощальных желаний
Летели, как буря, за нами вослед.
Друзья мне сулили в чужбине крамольной
За почестью почесть, кресты на кресты...
О други, простите! – Довольно! Довольно!

А что не спросили: воротиться ль ты?

Наперстники славы – мы дев покидали,
Любимых красавиц родной стороны,
И рыцарским жаром сердца трепетали
Под медным, тяжелым убором войны.
«Прости!» – прошептал я моей ненаглядной
У ног ее брякнул предбитвенный меч; —
Смутилась – и лепет волшебю – нескладный
Сменил ее тихую, плавную речь.
Не общим желаньем она пламенела, —
Нет, заревом чувства ланиты зажглись;
С последним лобзаньем в устах ее млело
Одно только слово, одно: «возвратись!»

Чу! грянули трубы; колонны столпились;
Радушно – покорны священному звуку,
Торжественно, дружно главы обнажились;
Ружье на молитву, душа к божеству!
В глазах просияла, протеплилась вера,
Небесною влагой намокли глаза:
По длинным, по мшистым усам гренадера
Украдкой сбежала красотка – слеза.

Вломились в чужбину незваные гости,
Железо копыт бороздило поля,
Обильным посевом ложились кости,
Потоками крови тучнела земля, —
И выросли мира плоды золотые,

И снова мечи потонули в ножнах,
И шумно помчались в пределы родные
Орлы полуночи на рьяных крылах.
Обратно летел я с мечтою сердечной,
С кипучею думой: «там дева твоя!»
Друзья выходили толпою навстречной:
«Здорово, товарищ!» – «Пустите, друзья!
Меня вы хотели зреть в почести бранной,
А я только сердце домой воротил!»

Сказал – и спеша к моей милой, желанной,
Впервые ударом коня оскорбил;
Но он, благородный, обиду прощая,
Домчал меня метко к жилищу красы;
Влетел – все как было; пришельца встречая,
Приветно визжали знакомые псы,
И кланялись низко знакомые слуги,
И узанный всеми, и встречен, как свой,
Горя нетерпеньем, к бесценной подруге
Ворвался я жадно в заветный покой.
Красавица вышла; – в восторге прижать я
Хотел ее к сердцу и ринулся к ней,
Но, кинуты в воздух, замерзли объятья,
И слезы вернулись назад из очей.
То злобно сжимались неверной уста,
То тихо струилась улыбкой ужасной —
И адски блистала змея – красота.
Все кончило время; душа отстрадалась;
О деве – злодейке мечты унеслись;

Но в сумрачном сердце доньне осталось
Одно ее слово, одно: «возвратись!»

К...му

Бодро выставь грудь младую
Мощь и крепость юных плеч!
Облекись в броню стальную!
Прицепи булатный меч!
Сердцем, преданным надежде,
В даль грядущего взгляни,
И о том, что было прежде,
Мне с тобой напомним!

Да вскипит фиал задравной —
И привет стране родной,
Нашей Руси православной,
Бронноносице стальной!
Широка она, родная,
Ростом – миру по плечо,

Вся одежда ледяная.
Только сердце горячо,
Чуть зазнала пир кровавой —
И рассыпались враги,
Высоко шумит двуглавой,
Землю топчут русской славы
Семимильные шаги!

Новый ратник, стань под знамя!
Верность в душу, сталь во длань!
Юной жизни жар и пламя
Сладко несть отчизне в дань.
Ей да служить в охраненье
Этот меч – головосёк!
Ей сердце кипучих рвень
И небес благоговенье
Ныне, присно и вовек!

Холодное признание

Алина – нет! Не тем мой полон взор!
Я не горю безумною любовью!
И что любовь? – Коварный заговор
Слепой мечты с огне – мятежной кровью!
Я пережил дней юношеских жар,
Я выплатил мучительные дани;
Ты видела души моей разгар
Перед тобой, звезда моих желаний;
Ты видела... Теперь иной судьбе
Я кланяюсь, Иною жизнью молод,
И пред тобой я чувствую в себе
Один святой, благоговейный холод;
Снег на сердце; но то не снег долин
Растоптанный, под саваном тумана —
Нет, это снег заоблачных вершин,
Льдяной венец потухшего вулкана, —
И весь тебе, как солнцу, он открыт,
Земля в тени, а он тебя встречает,
И весь огнём твоих лучей блеснит,
Но от огня лучей твоих не тает.

Заря

Утра, вечера ль порою,
Лишь сойдётся свет со тьмою,
Тьма светлеет, меркнет свет —
И по небу полосою
Разольётся алый цвет.
Это дня предосвещение
Иль прощальная заря?
Это восход или паденье
Светоносного царя?
Вспыхнут ярче розы вешней
Щёки девы молодой:
Это пыл зари другой;
Это – встреча мысли грешной
С детских мыслей чистотой!
Здесь – под мраком искушенья
Свет невинности горит,
На ланитах их боренья
Отражён волшебный вид;
И я мыслю: друг – девица,
Этим пурпуром горя.
Ты – восточная ль денница
Иль закатная заря?

Пожар

Ночь. Сомкнувшееся тучи
Лунный лик заволокли.
Лёг по ветру дым летучий,
Миг – и вспыхнуло в дали!
Встало пурпурное знамя,
Искор высыпала рать,
И пошёл младенец – пламя
Вольным юношей гулять.

Идёт и растёт он – красавец опасной!
Над хладной добычей он бурно восстал,
К ней жадною грудью прильнул сладострастно,
А кудри в воздушных кругах разметал;
Сверкают объятя, дымятся лобзанья...
Воитель природы, во мраке ночном,
На млеющих грудах роскошного зданья
Сияет победным любви торжеством.
Высоко он мечет живые изгибы,
Вздывается к тучам – в эфирный чертог;
Он обдал румянцем их тёмные глыбы;
Взгляните: он заревом небо зажёт!

Царствуй, мощная стихия!
Раздирай покровы ночи!

Обнимай холодный мир!
Вейтесь, вихри огневые!
Упивайтесь ими, очи!
Длись, огня разгульный пир!
Ветер воет; пламя вьётся;
С треском рухнула громада;
Заклубился дым густой.
Диким грудь восторгом бьётся;
Предо мною вся прелесть ада,
Демон! ад прекрасен твой!

Но буря стихает, и пламя слабеет;
Не заревом небо – зарёю алеет;
То пламя потухло, а огненный шар
С высока выводит свой вечный пожар.

Что ж? – На месте, где картина
Так торжественна была,
Труп лишь зданья – исполина,
Хладный пепел и зола.
Рдела пурпуром сраженья
Ночь на празднике огня;
След печальный разрушенья
Озарён лучами дня.
В ночь пленялся я красою,
Пламень буйства твоего:
Днём я выкуплю слезою
Злость восторга моего!

Слеза прокатилась, обсохли ресницы,
И взор устремился к пожару денницы,
К пожару светила – алмаза миров; —
Издавна следимый очами веков,
Являет он пламени дивные силы;
Земля на могилах воздвигла могилы,
А он, то открытый, то в облачной мгле,
Всё пышет, пылает и светит земле.
Невольно порою мечтателю мниться:
Он на небе блещет последней красою,
И вдруг, истощённый, замрёт, задымится,
И сирую землю осыплет золой!

Предостережение

Торжествующая Нина
Видит: голубя смирей,
Сын громов, орёл – мужчина
Бьётся в прахе перед ней.
Грудь железную смягчила
Нега пламенной мечты,
И невольно уступила
Мужа царственная сила
Власти женской красоты.

Не гордись победой, дева!
Далеки плоды посева.
Дней грядущих берегись!
Нина, Нина, – не гордись
Этих взоров юной прытью;
Не гордись, что ты могла
Неги шёлковой нитью
Спутать дикого орла!
Близки новые минуты,
Где сама должна ты снять
Эти розовые путы
И грозу распеленать!
Дерзкий хищник жажду взора,
Жажду взора утолит,

И грудей роскошных скоро
Жаркий пух растеребит;
Ты подашь ему, как Геба,
Этот нектар, а потом
Вдруг неистовым крылом
Твой орёл запросит неба;
Чем сдержать его?
Горе, если пред собою
Он узрит одну лишь степь
С пересохшую травую!
Он от сердца твоего
Прянет к тучам, к доле скрытной,
Если неба пищей сытной
Не прикормишь ты его!

Горячий источник

Струёю жгучей выбегает
Из подземелей водный ключ.
Не внешний жар его питает,
Не жаром солнца он кипуч; —
О нет, сокрытое горнило
Живую влагу вскипятило;
Ядра земного глубинам
Огонь завещан самобытной:
Оттуда гость горячий к нам
Из двери вырвался гранитной.

Так в мрачных сердца глубинах
Порою песнь любви родится
И, хлынув, в пламенных волнах
Пред миром блещет и клубится;
Но не прелестной девы взор
Её согрел, её лелеет;
Нет, часто этот метеор
Сверкает ярко, но не греет!
Жар сердца сам собой могуч; —
Оттуда, пролитый в напевы,
И под холодным взором девы
Бежит любви горячий ключ.

Услышанная молитва

Под мглою тяжких облаков,
В час грозной бури завыванья,
С любимой девой сочетанья,
Топясь, просил я у богов.
Вдруг – лёгким светом даль блеснула,
Мрак реже, реже стал, – и вот
Сквозь тучи ярко проглянула
Эмаль божественных высот;
И вот – открылся свод эфирной
Туч нет: торжественно и мирно
Прошли вестительницы бурь,
И полная дневного пыла
Весь лик природы осенила
Одна чистейшая лазурь.

Мой друг! Услышаны моленья;
Вот он – предел соединенья;
Один над мною и тобой
Навес раскинут голубой!
Взгляни, прекрасная, над нами,
Как опрокинутый фиал,
Он, в землю упершись краями,
Нам общий храм образовал.
Он прочен, радостен и мирен...

Но жаль, мой друг, моя краса,
Что общий храм наш так обширен,
Что так огромны небеса!
Быть может, здесь, под этим сводом,
Стеснён докучливым народом,
Я не найду к тебе следа, —
И в грустной жизненной тревоге
В одном лазуревом чертоге
Мы не сойдёмся никогда!

Жизнь и смерть

Через все пути земные
С незапамятной поры
В мире ходят две родные,
Но несходные сестры.
Вся одна из них цветами,
Как невеста, убрана,
И опасными сетями
Смертных путает она;
На устах любви приманка,
Огонь в очах, а в сердце лёд
И, как бурная вакханка,
Дева пляшет и поёт.
Не блестит сестра другая;
Черен весь её покров;
Взор – недвижимо – суров;
Перси – глыба ледяная,
Но в груди у ней – любовь!
Всем как будто незнакома,
Но лишь стукнет у дверей, —
И богач затворный – дома
Должен сказываться ей;
И чредой она приходит
К сыну горя и труда,
И бессонницу отводит

От страдальца навсегда.
Та – страстей могучем хмелем
Шаткий ум обворожит
И, сманив к неверным целям,
С злобным смехом убежит.
Эта в грозный час недуга
Нас, как верная подруга,
Посетит, навеет сон,
Сникнет к ложу с страданьем
И замкнёт своим лобзаньем
Тяжкий мученика стон.
Та – напевами соблазна
Ободряет сжатый дух
И для чувственности праздной
Стелят неги жаркий пух.
Эта – тушит пыл телесный,
Прах с души, как, цепи рвёт
И из мрака в свет небесный
Вдохновенную влечёт.
Рухнет грустная темница:
Прах во прах! Душа – орлица
Снова родину узрит
И без шума, без усилья,
Вскинув девственные крылья,
В мир эфирный воспарит!

Возвращение незабвенной

Ты опять передо мною,
Провозвестница всех благ!
Вновь под кровлею родною
Здесь, на невских берегах,
Здесь, на тающих снегах,
На нетающих гранитах, —
И тебя объемлет круг
То друзей полузабытых,
То затерянных подруг;
И, как перл неоценимой,
Гостью кровную любя
Сердце матери родимой
Отдохнуло близь тебя.
И певец, во дни былые
Певший голосом любви
Очи, тайной повитые,
Очи томные твои,
Пившей чашею безбрежной
Горе страсти безнадежной,
Безраздельных сердца грез, —
Видя снова образ милой,
Снова с песнию унылой
В дар слезу тебе принес...
Друг мой! прежде то ли было?

Реки песен, море слез!

О, когда бы все мученья,
Все минувшие волненья
Мог отдать мне твой возврат, —
Я бы все мои стремленья,
Как с утеса водоскат,
В чашу прошлого низринул,
Я б, не дрогнув, за нее
Разом в вечность опрокинул
Все грядущее море!
Ты все та ж, как в прежни годы,
В дни недавней старины,
В дни младенческой свободы
Золотой твоей весны;
Вижу с радостью прежней
Тот же образ пред собой:
Те ж уста с улыбкой нежной,
Очи с влагой голубой...
Но рука – с кольцом обета, —
И мечты мои во прах!
Пыл сердечного привета
Замирает на устах...

..

..

Пусть блестит кольцо обета,
Как судьбы твоей печать!
И супругу – стих поэта
Властен девой величать.

Облекись же сам названьем!
Что шум света? Что молва?
Твой певец купил страданьем
Миру чуждые права.
Он страданьем торжествует,
Он воспитан для него;
Он лелеет, он целует
Язвы сердца своего,
и чуждается, не просит
Воздаянья на земле;
Он в груди все бури носит
И покорность на челе.

Так; – покорный воле рока,
Я смиренно признаю,
Чту я свято и высоко
Участь брачную твою;
И когда перед тобою
Появлюсь на краткий миг,
Я глубоко чувство скрою,
Буду холоден и дик; —
Света грустное условие
Выполняя как закон,
Принесу, полусмущен,
Лишь вопрос мой о здоровье
Да почтительный поклон.

Но в часы уединенья,
Но в полуночной тиши —

Невозбранного томленья
Буря встанет из души. —
И мечтая, торжествуя,
Полным вздохом разрешу я
В сердце стиснутый огонь;
Вольно голову, как ношу,
Сердцу тягостную, брошу
Я на жаркую ладонь,
И, как волны, звуки прынут,
Звуки – жемчуг, серебро,
Закипят они и канут
Со слезами под перо,
И в живой реке напева
Молвит звонкая струя:
Ты моя, мой ангел – дева,
Незабвенная моя!

К ней же

Прекрасная! ты покидаешь нас,
Вновь улететь ты в край готова дальний,
И близок он – неотразимый час,
Когда приму я твой завет прощальный,
Когда еще в немой груди моей
Уснувшее мученье встрепенется
И у давно исплаканных очей
Еще слеза кипучая найдется!
Скажи: зачем от родины святой
Ты свой полет к чужбине устремила?
Или тебя природы красотой
Та пышная страна обворожила?
Цветущ тот край: там ясен неба свод,
Тяжел и густ на нивах колос чудной
Цветы горят, и рдея, сочный плод
Колышется на ветке изумрудной;
Но жизнь людей и там омрачена:
В природе пир, а человек горюет,
И, кажется, пред страждущим она
Насмешливо, обидно торжествует!
О, не гонись за солнцем той страны!
Его лучи не возрождают счастья;
А здесь тебе средь вечного ненастья
Хоть отпрыски его сохранены.

Любовь? – О нет; не страстное желанье
Тебя зовет к далеким берегам,
Не пыл души, не сердца трепетанье...
Что было здесь не обновится там!
Здесь ты жила и негой и любовью,
Здесь вынесла сердечную грозу,
И тайную полночную слезу
Девичьему вверяла изголовью;
Здесь было все... Напоминать ли мне,
Чего забыть душа твоя не может?
Нет! не любовь твой ангельский полет
С родных берегов направила к чужбине; —
Суровый долг – так, он тебя зовет,
И ты летишь, покорная судьбине.
Тебя не взрыв причудливой мечты
Туда влечет, но воля проведенья;
Не прихотью блестят твои черты,
Но кротостью священного терпения.
Ты счастья там не мыслишь отыскать;
Надежды нет в твоём унылом взоре, —
Нет, спешишь, чтоб снова там обнять
Тебе в удел назначенное горе.

Лети! лети! – Страдая и любя,
И на земле твоим блистая светом,
Я не дерзну, желанная, тебя
Удерживать предательским советом.
Свят жребия жестокий приговор:

Пусть надо мной он громом раздается!
прости! – Тебя лишается твой взор,
С моей душой твой образ остается!
И о тебе прекрасная мечта —
Она со мной, – она не отнята,
И надо мной горя лучом спасенья,
Она мне жизнь, мой ангел вдохновенья;
И в миг, когда заслышу горный клир
И грудь мою взорвет порыв могучий,
Она, гремя, изыдет в божий мир
В живом огне серебряных созвучий!

Прости!

Прости! – Как много в этом звуке
Глубоких тайн заключено!
Святое слово! – в миг разлуки
Граничит с вечностью оно.
Разлука... Где ее начало?
В немом пространстве без конца
Едва да будет прозвучало
Из уст божественных творца,
Мгновенно бездна закипела,
Мгновенно творческий глагол
Черту великого раздела
В хаосе дремлющем провел.
Сей глас расторгнул сочетанья,
Стихии рознял, ополчил,
И в самый первый миг созданья
С землю небо разлучил,
И мраку бездны довременной
Велел от света отойти, —
И всюду в первый день вселенной
Промчалось грустное «прости».
С тех пор доныне эти звуки
Идут, летят из века в век,
И брошенный в юдоль разлуки
Повит страданьем человек.

С тех пор как часто небо ночи
Стремится в таинственной дали
Свои мерцающие очи
На лоно сумрачной земли,
И к ней объятья простирая,
В свой светлый край ее манит!
Напрасно: узница родная
В оковах тяжести скорбит.
Заря с востока кинет розы —
Росой увлажятся поля;
О, это слезы, скорби слезы,
В слезах купается земля.
Давно в века уходят годы,
И в вечность катятся века,
Все так же льется слез природы
Неистошимая река!

Прости! Прости! – Сей звук унылый
Дано нам вторить каждый час,
И наконец – в дверях могилы
Его издать в последний раз; —
И здесь, впервые полон света,
Исходит он как новый луч,
Как над челом разбитых туч
Младая радуга завета,
И смерть спешит его умчать,
И этот звук с ода кончины,
Здесь излетев до половины,

Уходит в небо дозвучать, —
И повторен эдемским клиром,
И принят в небе с торжеством,
Святой глагол разлуки с миром —
Глагол свиданья с божеством!

За – невский край

Нева, красавица – Нева!
Как прежде, ты передо мною
Блестишь свободной шириною,
Чиста, роскошна и резва;
Но тот же ль я, как в прежни годы,
Когда, в обновлениях бытия,
На эти зеркальные воды
Любил засматриваться я?

Тогда, предчувствий робких полный.
Следил я взорами твой бег
И подо мной, дробясь о брег,
Уныло всхлипывали волны,
И я под их волшебный шум,
Их вздохи и неясный ропот
Настроил лепет первых дум
И первых чувств любовный шопот.

Потом, тоскуя и любя,
Потом, и мысля, и страдая,
О, сколько раз, река родная,
Смотрел я в даль через тебя, —
Туда, на темный край столицы,
Туда, где чудная она

Под дланью творческой десницы
Державной мыслью рождена.
Зачем туда летели взгляды?
Зачем туда, чрез вольный ток,
Убогий нес меня челнок
В час тихой, девственной прохлады,
Или тогда, как невский вал
С возможной силой в брег плескал,
Иль в те часы заповедные,
Как меж гранитных берегов
Спирались иглы ледяные,
И зимний саван был готов?

Зачем?.. Друзья мои, не скрою:
Тот край – любви моей страна.
Там – за оградой крепостною —
Пустынно стелется она.
Там не встречают наши взоры
Красой увенчанных громад;
Нагнувшись, хилые заборы
В безлюдных улицах стоят;
В глуши разметаны без связи
Жилища смертных, как-нибудь,
И суждено им в мире грязи
Весной и осенью тонуть.

Но, избалованные други!
Ужели не случилось вам,
Деля обидные досуги

По всем Петрополя концам,
В тот мирный край, хотя случайно,
Стопой блуждающей забресь?
Туда – друзья – скажу вам тайну:
Там можно сердце перевести!
Идиллий сладкие напевы
Там клонят юношу к мечте,
И в благородной простоте
Еще пастушествуют девы.

.
О, сколько раз, страна глухая,
По темным улицам твоим
Бродил я, трепетно вздыхая,
Сердечной жаждою томим;
Потупя взор, мрачней кладбища,
Тая души глубокий плен,
Бродил я вдоль заветных стен
Алины мирного жилища,
И видел в окнах белый свет,
И все гадал: зайти иль нет?
Что ж? чем решать недоуменье? —
Зайду. К чему в святом стремленье
Себя напрасно побеждать?
Не грех ли сладкое мгновенье
У сердца нищего отнять?
И я был там... Как цвет эдема,
Моим доступная мечтам,
Она – души моей поэма —
Меня приветствовала там,

Меня в свой рай переносила,
Меня блаженствовать учила:
Страдать – я выучился сам.

Теперь волшебница далеко;
Но и досель отраднo мне
Бродить безлюдно, одиноко
По той пустынной стороне.
Мне там приветней блещет в очи
И полдня пламенный убор
И милый свет созвездий ночи —
Небес недремлющий дозор.
Земного счастья отчужденца —
Все там живит меня досель,
И тешит сердце, как младенца,
И зыблет грудь, как колыбель!

Радость и горе

О радость! – Небесной ты гостьей слетела
И мне взволновала уснувшую грудь.
Где ж люди? Придите: я жажду раздела,
Я жажду к вам полной душою прильнуть.
Ты соком из гроздий любви набежала —
О братья! вот нектар: идите на пир!
Мне много, хоть капля в мой кубок упала:
Мне хочется каплей забрызгать весь мир!
Приди ко мне, старец – наперсник могилы!
Минувшего зеркалом став пред тобой,
Я новою жизнью зажгу твои силы,
И ты затрепещешь отрадной мечтой!
Дай руку, друг юный! Пусть милая радость
Проглянет в пылающих братством очах,
И крепко сомкнется со младостью младость
За чашей, в напевах и бурных речах!
Красавица – дева, мой змей черноокой,
Приди: тебе в очи я радость мою,
В уста твои, в перси, глубоко, глубоко,
Мятежным лобзаньем моим перелью!

Но ежели горе мне в душу запало —
Прочь, люди! оно нераздельно мое.
Вам брызги не дам я тогда из фиала,

В котором заветное бродит питье!
Как клад, я зарюю тяжелое горе
Печального сердца в своих тайниках,
И миру не выдам ни в сумрачном взоре,
Ни в трепетных вздохах, ни в жалких слезах.

Нейдите с участием: вам сердце откажет;
В нем целое море страдания ляжет, —
И скорби волна берегов не найдет!
Пред искренним другом умедлю признаньем:
Мне страшно – он станет меня утешать!
И тайн моих дева не вырвет лобзаньем,
Чтоб после с улыбкой о них лепетать.
Так, чуждые миру, до дня рокового
Я стану беречь мои скорби, – а там
Пошлю все залого терпенья святого
На сладостный выкуп к эдемским вратам!

К черноокой

Нет, красавица, напрасно
Твой язык лепечет мне,
Что родилась ты в ненастной,
В нашей хладной стороне!
Нет, не верю: издалека
Бурный ветер тебя увлек:
Ты – жемчужина Востока,
Поля жаркого цветков!
Черный глаз и черный волос —
Все не наших русских дев,
И томительный твой голос
Сыплет речь не на распев.
Нет в лице твоём тумана,
И извив живого стана —
Азиатская змея.
Ты глядишь, очей не жмурия,
И в очах кипит смола,
И тропическая буря
Дышит пламенем с чела.
Фосфор в бешеном блистанье —
Взоры быстрые твои,
И сладчайшее дыханье
Веет мускусом любви.

Бездна

Взгляни, как высится прекрасно
Младой прельстительницы грудь!
Ее ты можешь в неге страстной
Кольцом объятий обогнуть,
Но и орла не могут взоры
Сквозь эти жаркие затворы
Пройти и в сердце заглянуть.
О, там – пучина; в чудном споре
С волной там борется волна,
И необъятно это море,
Неизмерима глубина.
Там блещут искры золотые,

Но мрак и гибель в глубине,
Там скрыты перлы дорогие,
И спят чудовища на дне.
Те искры – неба отраженье,
Алмазных звезд отображенье
На хрустале спокойных вод:
Возникнет страсти дуновенье —
Взмутится тишь, пойдет волнение,
И милый блеск их пропадет.
Те перлы – в сумраке витают,
Никем незримы, лишь порой

Из мрака вызваны грозой
Они в мир светлый выступают,
Блестят в очах и упадают
Любви чистейшею слезой;
Но сам не пробуй, дерзновенный,
Ты море темное рассечь
И этот жемчуг драгоценный
Из бездны сумрачной извлечь!
Нет, трещины своей судьбины!
Страшишься порывом буйных сил
Тревожит таинство пучины,
Где тихо дремлет крокодил!

Когда ж, согрев мечту родную
И мысль сладко отдохнуть,
Ты склонишь голову младую
На эту царственную грудь,
И слыша волн ее движенье,
Закроешь очи жарким сном,
То знай, что это усыпление
На зыбком берегу морском.
Страшишься: прилив быть может хлынет;
Тогда тебя, мой сонный челн,
Умчит порыв неожиданных волн,
И захлестнет, и опрокинет!

А. Б...НУ

Мне были дороги мгновенья,
Когда, вдали людей, в таинственной тиши,
Ты доверял мне впечатленья
Своей взволнованной души.
Пленный девы красотою,
Ты так восторженно мне говорил о ней!
Ты, очарованный, со мною
Делился жизнью твоих кипучих дней.
Отживший сердцем, охладелый,
Я понимал любви твоей язык;
Мне в глубину души осиротелой
Он чем – то родственным проник.
И, мира гражданин опальный,
Тебе я с жадностью внимал,
Я забывал свой хлад печальный
И твой восторг благословлял!
Благое небо мне судило
Увидеть вместе наконец
Тебя и дней твоих светило,
Тебя и деву – твой венец!
Ты весь блистал перед собранием,
В каком – то очерке святом,
Не всеми видимым сияньем,
Не всем понятным торжеством.

Твой вид тогда почиющую силу
В моей груди пустынной пробуждал
И всю прошедшего могилу
С его блаженством раскрывал.
Я мыслил: не придут минувшие волненья;
Кумир мой пал, разрушен храм;
Я не молюсь мне чуждым божествам,
Но в сердце есть еще следы благоговенья;
И я мой тяжкий рок в душе благословил,
Что он меня ценить святыню научил,
И втайне канули благоговенья слезы,
Что я еще ношу, по милости творца,
Хотя поблекнувшие розы
В священных терниях венца!
Не требуй от меня оценки хладнокровной
Достоинства владычицы твоей!
Где чувство говорит и сердца суд верховный,
Там жалок глас ума взыскательных судей.
Не спрашивай, заметен ли во взоре
Ее души твоей души ответ,
Иль нежный взор ее и сладость в разговоре
Лишь навик светскости и общий всем привет?
Мне ль разгадать? – Но верь: не тщетно предан
Ты чувству бурному; с прекрасною мечтой
Тебе от неба заповедан
Удел высокий и святой.
Награду сладкую сулит нам жар взаимный,
Но сердца песнь – любовь; не подданный судьбе,

Когда ж за сладостные гимны
Певец награды ждет себе?
Она перед тобой, как небо вдохновенья!
Молись и не скрывай божественной слезы,
Слезы восторга, умиленья;
Но помни: в небе есть алмазы освещенья
И семена крушительной грозы:
Жди светлых дней торжественной красы,
Но не страшись и молний отверженья!
Прекрасен вид, когда мечтателя слезой
Роскошно отражен луч солнца в полдень ясной,
Но и под бурю прекрасно
Его чело, обвитое грозой!

К алине

Алина, вижу: ты прекрасна;
Я хладен к прелестям твоим;
Но верь мне – назвала напрасно
Мое ты сердце ледяным!
Будь лед в груди моей: доньше
Я был бы пленник красоты;
Не трудно таять хладной льдине
И от ничтожной теплоты,
Тогда б, палимый чудным жаром,
О солнце неги, пред тобой
Мой лед курился влажным паром
И капал вечною слезой!
Войди мне в грудь глубоким взглядом —
И сердце, чуждое любви,
Суровым облитое хладом,
Скорей железным назови!
Оно тяжелым испытаньем
Сквозь пыл страстей проведено;
Оно проковано страданьем;
Оно в бедах закалено.
И грудь – потухшее горнило —
Отягощаема им,
По жизни носится уныло
С железным бременем своим.

Вот вешний пыл сошел в долины —
Проснулся б лед – железо спит;
Вот луч полудня – взор Алины:
И тот мне сердца не живет!

Но слушай: временно сей холод
Почует на сердце моем;
Судьба – кузнец свой тяжкий молот
Еще испробует на нем,
Еще в жару оно потонет,
И под ударами застонет,
И брызнет кровью и огнем:
Тогда приди взглянуть на друга,
Мои мученья пережди —
И после, в легкий час досуга,
Скажи мне, что в моей груди!

Жажда любви

Где вы, вспышки вдохновений?
Где вы, страстные мечты?
Где ты, праздник песнопений
В честь верховной красоты?
Все исчезло: нет царицы,
Для кого в ночной тиши
Стройный глаз моей цевницы
Разливался от души.
Тщетно жадный взор мой бродит
Между прелестей: на зов
К сердцу снова не приходит
Своенравная любовь,
А когда – то в неге праздной
Забывая целый мир,
Я покорно, безотказно
К ней летел на званный пир!
Пил – пил много – пил, не споря, —
Подавала ль мне она
Чашу гибели и горя,
Шире неба, глубже моря —
Выпивал я все до дна!

Незабвенные мученья!
Вас давно ль я выносил

И у неба охлажденья
Будто милости просил,
И в томленьях стал проклятья
На тяжелый свой удел,
И от сердца оторвать я
Цепи жгучие хотел?
Что ж? – Я снова той же доли
У судьбы прошу моей;
Я опять прошу неволи,
Я опять ищу цепей;
И, быть может, их найду я,
Ими сердце обверну,
Их к душе моей прижму я —
И опять их проклянущу!

Отрывки

Из книги любви

1.

Опять мятежная проснулась
Давно затихнувшая страсть,
И вновь пред бурною шатнулась
Рассудка царственная власть.
В груди, как прежде, сердцу тесно;
Гроза любви бушует в нем;
Оно горит мечтой небесной,

Пылает выпревшим огнём.
Но обаятельной надежде
Уразумлённое, оно
Уже не верует, как прежде,
Ему предвиденье дано;
Оно грядущее предвидит,
Оно, скорбя, предугаёт,
Что вновь судьба его обидит
И чашей неги обойдёт.
В любви не встреченный любовью,
Ещё не раз паду я вновь

С душевным воплем к изголовью:
Страдальца слёзы брызнут кровью.
И в сердце ядом хлынет кровь!

2.

С могучей страстию в мучительной борьбе
Печалью тайною душа моя томима.
Зачем меня, друзья, зовёте вы к себе?
К чему в свой круг зовёте нелюдима?
Мне будет чужд ваш светлый разговор;
Утех не разделю я младости игрой;
Я буду между вас сидеть потупя взор,
Недвижный, мрачный, молчаливой.
Хотите ль вы, чтоб я в день пирный представлял
Собою скучный день похмелья,
И краски вашего веселья
Своим уныньем оттенял?
Хотите ли вы ту, кого назвать не смею,
С улыбкой шалости при мне именовать,
И лёгкой шуткою своею
Мне сердце сжатое терзать?
Ваш резвый смех, о ветреные друзья,
Усилит, растравит души моей недуги, —
И тщетно, бурные, вы подадите мне
Фиал с игрою звёзд в мятежной глубине:
На ласку дружескую вашу

Тогда, обиженный, я с злостью взгляну
И сладким нектаром наполненную чашу
От уст иссохших оттолкну!
Я не найду в ней упоенья,
Я жажды пламенной вином не утолю;
Я чувства вечного в себе не оскорблю
Призывом суетным минутного забвенья!
Пируйте же, друзья! – Мне дорог ваш помин,
Но чуждо мне бывалое веселье.
Уйдите от меня! – Пускай в пустынной келье
Останусь я – один!

Один!.. Один!.. Мне милый образ блещет,
И струны тайные в груди моей дрожат,
Перо услужливо трепещет,
И строки звучные горят!

3.

Когда настанет страшный миг,
Когда нарушу я молчанье,
И дерзкий двинется язык
Тебе излить любви признание,
И задержав потоки слёз
В груди, изнывшей без привета,
Я буду требовать ответа
На мой торжественный вопрос, —

Прошу тебя: без замедленья
Мои надежды разрушай,
И грудь мою без сожаленья
Прямым ударом отверженья
С возможной силой поражай!
Пусть на главу падёт мне громом
Твой приговор! Несчастья весть
Я в сердце, с бурями знакомом
Найду способность перенести;
Страданье жизнь мою искупит;
Над прахом сердце голова,
Быть может, снова гордо вступит
В свои суровые права.
Но если... если друг желанный,
Ты мне готовишь в тайный дар
Из роз венки благоуханный,
А не губительный удар,
Тогда – молю твоей пощады! —
Не вдруг, не разом ты пролей
Лучи божественной награды
В глубокий мрак души моей, —
Да, взросший в сумраке ненастья,
Себя к далёкой мысли счастья
Я постепенно приучу:
С судьбой враждебной вечно споря,
Я умереть не мог от горя,
А от блаженства не хочу!

4.

Пиши, поэт! слагай для милой девы
Симфонии любовные свои!
Переливай в могучие напевы
Палящий жар страдальческой любви!
Чтоб выразить таинственные муки,
Чтоб сердца огонь в словах твоих изник.
Изобретай неслыханные звуки.
Выдумывай неведомый язык

И он поёт. Любовью к милой дышит
Откованный в горниле сердца стих;
Певец поёт: она его не слышит;
Он слёзы льёт: она не видит их.
Когда ж молва, все тайны расторгая,
Песнь жаркую по свету разнесёт,
И, может быть, красавица другая
Прочувствует её, не понимая,
Она её бесчувственно поймёт;
Она пройдёт, измерит без раздумья
Всю глубину поэта тяжких дум;
Её живой, быстро – летучий ум
Поймёт язык сердечного безумья,
И, гордая могуществом своим
Пред данником и робким, и немым,
На бурный стих она ему укажет,

Где страсть его та бешено горит,
С улыбкою: как это мило! – скажет,
И, лёгкая, к забавам улетит.
А ты ступай, мечтатель умиленный,
Вновь расточать бесплатные мечты!
Иди опять красавице надменной
Ковать венец, работник вдохновенный,
Ремесленник во славу красоты!

Я не люблю тебя

Я не люблю тебя. Любить уже не может,
Кто выкупал в холодном море дум
Свой сумрачный, тяжёлый ум,
Кого везде, во всём, сомнение тревожит,
Кто в школе опыта давно уж перешёл
Сердечной музыки мучительную гамму
И в жизни злую эпиграмму
На всё прекрасное прочёл.
Пусть юноша мечтам заветным предаётся!
Я продал их, я прожил их давно;
Мой ум давно уж там смеётся,
Где сердцу плакать суждено.

Что б не сбылось с душой моею,
Какой бы ни горел огонь в моей крови,
Я не люблю тебя, я именем любви
Стремленья тайного знаменовать не смею,
Но ты мила моим очам,
Очам души моей мила, как день блаженный,
И взора твоего к божественным лучам
Прикован взор мой упоенный.
Язык мой скован – и молчит;
Его мой скрытный жар в посредники не просит,
А сердце внятно говорит,

Чего язык не произносит.

Когда – то жизни на заре
С душой, отверстою к приятию святыни,
Я разводил свой огонь на алтаре
Минувших дней моих богини.
Тогда в мечтах заповедных
Повсюду предо мной сияла бесконечность,
И в думах девственных своих
Я сочетал любовь и вечность;
Но вскоре дал суровый рок
Мне охладительный урок:
Он мне открыл, что и любовь хранится
Не доле милого цветка,
Что вечность целая порой в неё ложится,
Но эта вечность – коротка.
Теперь, сим знаньем просвещённый,
Я верить рад, что грудь моя
Объята вспышкой мгновенной,
Последним взрывом бытия.
На хладный свой язык мне разум переводит,
Что втайне чувство создаёт;
Оно растёт, оно восходит,
А он твердит: оно пройдёт!
Но что ж? На грудь, волнуемую тщетно,
Он хочет наложить свинцовую печать:
Душе ль насильственно изгнать,
Что в душу рвётся так приветно?

Я не люблю тебя; – но как бы я желал
Всегда с тобою быть, с тобою жизнью слиться,
С тобою пить её фиал,
С тобой от мира отделиться!
И между тем как рыцарь наших дней
Лепечет с лёгкостью и резвостью воздушной
Бездушное «люблю» красавице бездушной
Как сладко было б мне, склонясь к главе твоей,
И руку сжав твою рукою воспалённой,
И взор твой обратив, отрадный, на себя,
Тебе шептать: мой друг бесценной!
Мой милый друг! я не люблю тебя!

Ватерлоо

Видали ль вы, как из валов тумана
Светило дня, восторг очей,
Встаёт над бездной океана
В кровавой ризе без лучей?
Недолго на небе хранится
Раздумья утреннего вид:
Туманы упадут, восток озолотится,
И огненный гигант высоко возлетит!
Так дивный муж судеб, недавно погружённой
Во мрак безвластия на острове немом,
Опять возник туманным божеством
Пред взорами Европы утомлённой.
Прошли те дни, как взмах его руки,
Одно движение нахмуренною бровью
Могло стянуть и разметать полки,
Измять венцы и мир забрызгать кровью,
Когда так пышно и светло
Звезда судьбы его сияла,
И слава жадно целовала
Его высокое чело.
Теперь, когда ещё не тронуло забвеньё
В умах нарезанной черты,
Что и гиганту с высоты
Возможно страшное паденье, —

Теперь, тревожное сомненье
Украдкой шло по дну сердец;
Слабей блистал однажды сбитый
И свежим лавром не увитый
Из праха поднятый венец,
Которым вновь по воле рока
Был до таинственного срока
Увенчан царственный беглец.
Туман минувшего вздымался, —
И на виновника утрат
Дух недоверчивых Палат
Враждебным словом ополчался.
Но миг – и дивный сет рассёк пучину мглы:
Орлиный взор вождя сверкнул перед полками,
И взор тот поняли орлы
И бурю двинули крылами.
Светило брани вновь парит,
И мчатся вдаль громов раскаты:
Пускай витийствуют Палаты!
Их шум победа заглушит.
Пусть спорят о судьбе! Её властитель – гений;
Вковалась в мысль его она,
И эта мысль заряжена
Огнём гремучих вдохновений,
И движет массами полков.
И, опоясанная славой,
Отражена в игре кровавой
Живыми играми штыков.

Как море, армии разлиты;
Шумят шаги, звучат копыты;
Враги сошлись, – и вспыхнул бой —
Предтеча битвы роковой.
День гаснул, бой горел и длился,
И вот затих, и над землей
В багряной ризе прокатился
По небу вечер золотой.
Уже томился воин каждой
Желаньем отдыхать, а он —
Он весь горел ужасной жаждой;
Ему был чужд отрадный сон.
Как он желал по небу ночи
Провести огонь, разлить пожар,
Обрызгнуть молниями очи
И кончить верный свой удар!
Но вид героев, их усталость...
Впервые тронут и уныл,
Дотоль неведомую милость
Он в бурном сердце ощутил,
И пред толпою утомленной
Впервые просьбе умиленной
Себя позволил превозмочь,
Взглянув на ратников с любовью,
И отдал им на отдых – с кровью
Из сердца вырванную ночь

И туч пелена небосклон оковала;
Взор в небо послал он: под тяжкою мглой

Последняя в небе звезда померкала, —
То было затмение звезды роковой!
И долу бессонные очи склоняя,
С спокойствием тихим на бледном челе,
Стоял он, с улыбкою взоры вперяя
На ратников, спящих на холодной земле.
Покойтесь, он думал, молчит непогода:
Мной сладкая ночь вам, о люди дана!
Подслушала тайную думу природа
И свистнула по полю вихрем она.
Бурный ветер тучи двинул;
Зашатался ночи мрак;
Тучи лопнули, и хлынул
Ливень крупный на бивак,
И ручьи студёной влаги
На почивших текли,
И, дрожа, сыны отваги
Поднимались с земли,
И безропотно рукою
Оттирали пот с очей,
И осматривали к бою
Грани ружей и мечей,
И в порывах нетерпенья
Ждали вызова к ружью,
Чтоб сгореть в пылу сраженья
Грудь иззябшую свою.

Чуть день встрепенулся – герои стояли,
И пламя струилось по светлым очам,

И воздух весёлые клики взрывали,
И сам, сто победный, летел по строям.
Но взор к востоку: там денница
Горит не пышно, не светло;
Не всходит солнце Аустерлица
Над грозным полем Ватерло!

Чу! это вызвано ударом;
Взыграл неотвратимый бой;
Ряды осыпаны пальбой
Окрестность вспыхнула пожаром;
И он, державный исполин,
Уже блеснул победными лучами;
Он массы войск с дымящихся вершин
Окидывал орлиными очами,
И грозно в даль направленный им взор,
Казалось, могуществом волшебным;
Усиливал полков его напор
И гибель силам нес враждебным;
И между тем, как вновь, в боренье огнем
Махало счастье сомнительным венком
И на державного бросало взгляд разлуки,
Он на груди своей крестом
Укладывая царственные руки,
Еще взирал доверчиво кругом
На мощные ряды оград самодержавья —
На старых воинов, готовых под конец
Из самых челюстей бесславья
Исхитить, спасть его венец.

Бой длится; утрата наводит утрату;
Смятение рыщет в усталых рядах;
Багровое солнце склонилось к закату
И тонет в вечерних густых облаках.

Грозно глас вождя разлился,
Очи вспыхнули его,
И, как лес, зашевелился
Сонм отважных вокруг него;
И за ним как за судьбою,
Жаром гибельным полна
Быстро двинулася к бою
Страшной гвардии стена;
То сверкнет, то в дыме тонет...
Тяжкий гул идет вдали;
От пальбы дрожит и стонет,
Ходит морем грудь земли.
Сердце радостно взыграло:
Этот гул... друзья, вперед!
Это маршал запоздалой
Силы свежие ведет!
Рать – туда живым каскадом,
Но шатнулася она,
Крупным встреченная градом
И свинца и чугуна,
И последний строй героев,
Помня славу прошлых лет,
Лег на славу прежних боев,

На трофеях ста побед.

Где ж он, виновник губительной брани?
Через трупы убитых, сквозь вопли и стон,
Сквозь сумрак, сквозь ядра и гром восклицаний
На бодром коне выбивался он.
С позорища рока безмолвный, угрюмый,
Он ехал закрывшись в полночную мглу.
Судьба изменила: одни только думы
Державному верны челу.

И вот, утомленный, пред скипетром ночи
Поник он, как данник, на ложе челом,
И сном небывалым задернулись очи,
Глубоким, железным, спасительным сном.
Душа его долго со снами боролась,
И он отражал их, как волны утес;
Теперь покорился: неведомый голос
Святое «свершилось» над ним произнес.

Огнями небо разрывая,
Летела туча громовая;
Умолкла... Ветер не несет —
И тихо в бездну океана
Печальной глыбою тумана
Огнегремучая падет.
Губящ, блистателен, огромен,
Прошел дозволенный ей пир,
И в миг паденья грозно – темен

Прощальный взгляд его на мир.
Еще она не догремела,
Еще палящих сил зерно
В ее клубах заключено;
Но сила тщетная замлела,
И молний замкнутый колчан
Без грома спущен в океан.

Он пал, помазанник судьбины!
Там, между скал, в немой дали,
гас во мраке, средь пучины,
На скудном лоскуте земли.
Не мог, неволею томимый,
Унять он бурных дум своих:
Не убаюкивали их
Ни ночи мир не нарушимый,
Ни томный шум волны, дробимой
О край утесов вековых;
Не мог смирить державной страсти
Он искусительных тревог,
На дребезгах разбитой власти
Он успокоиться не мог; —
И в миг, когда в могильной грани
Жизнь исполина перешла,
В последний миг земных страданий
Его душа с мечтой о брани
В обитель мира потекла.

Величья дольного граница —

Над прахом гения воздвигнулась гробница,
И те пустынные места осенены
Найтием священной тишины,
И, кажется, ровней там ветер дышит,
И осторожней гнет покорную лозу,
И трепетным листком таинственной колышет,
Бояся пробудить почившую грозу;
И, кажется, кругом на царственном просторе
Самодовольней плещет море,
Как бы гордясь, что удержать могло
Гиганта-пленника своим кристаллом синим
И грозного земным твердыням
В оковах влаги сберегло;
И облекает мрак угрюмый
Гробницу острова; лукаво шепчет лес,
И облака стекаются, как думы,
На сумрачном челе небес.

Бивак

Темно. Ни звездочки на черном неба своде.
Под проливным дождем на длинном переходе
Промокнув до костей, л сердца, до души,
Пришли на место мы – и мигом шалаш
Восстали, выросли. Ну слава богу: дома
И – роскошь! – вносится в отрадный мой шалаш
Сухая, свежая, упругая солома.
«А чайник что?» – Кипит. – О чай – спаситель наш!
Он тут. Идет денщик – служитель ратных станов,
И, слаще музыки, приветный звон стаканов
Вдали уж слышится; и чайная струя
Спешит стаканов ряд наполнить до края.
Садишься и берешь – и с сладостной дрожью
Пьешь нектар, радость пьешь, глотаешь милость божью.
Нет, житель городской: как хочешь, величай
Напиток жалкий свой, а только он не чай!
Нет, люди мирные, когда вы не живали
Бивачной жизнью, вы чаю не пивали.
Глядишь: все движится, волнуется, кишит;
Огни разведены – и что за чудный вид!
Такого и во сне вы, верно, не видали:
На грунте сумрачном необразимой дали
Фигуры воинов, как тени, то черны,
То алым пламенем красно освещены,

Картинно видятся в различных положениях,
Кругами, группами, в раскидистых движениях,
Облиты заревом, под искрами огней,
Со всею прелестью голов их поседелых,
Мохнатых их усов, нависших их бровей
И глаз сверкающих и лиц перегорелых.
Забавник – шут острит, и красное словцо
И добрый, звонкий смех готовы налицо.
Кругом и крик, и шум, и общий слитный говор.
Пред нами вновь денщик: теперь уж, он как повар,
Явился; ужин наш готов уже совсем.
Спасибо, мой Ватель! Спасибо, мой Карем!
Прекрасно! – И, делим живой артелью братской,
Как вкусен без приправ простой кусок солдатской!
Поели – на лоб крест – и на солому бух!
И ж герой храпит во весь геройский дух.
О богатырский сон! – Едва ль он перервется,
Хоть гром из тучи грянь, обрушья неба твердь,
Великий сон! – Он, глубже мне сдается,
Чем тот, которому дано название: смерть.
Там спишь, а душу все подталкивает совесть
И над ухом ее нашептывает повесть
Минувших дней твоих; – а тут... но барабан
Вдруг грянул – и восстал, воспрянул ратный стан.

Улетевшим мечтам

Нервы жизни – где вы? где вы?
Где ваш светлый, легкий рой?
Обольстительницы девы,
Обожаемые мной?
Что за ветер вас развеял?
Как я нежил вас в тиши,
Как, прияв в чертог души,
Целомудренно лелеял!
Где ж вы, райские цветы,
Неба утреннего звезды,
Пташки сердца – мечты!
Где ж теперь вы свили гнезды?
Полетел бы я вам вслед,
Но – напрасные усилья!
Оковал желаний крылья
Строгий опыт тяжких бед.
В хладном сердце – лед и вьюга;
Вы же, – в теплые края
Унеслись на лоно юга,
Перелетные друзья!..

Евгении Петровне Майковой

Когда из школы испытаний
Печальный вынесен урок,
И цвет пленительных мечтаний
В груди остынувшей поблек,
Тогда с надеждою тревожной
Проститься разум нам велит,
И от обманов жизни ложной
Нас недоверчивость хранит.
Она добыта в битве чудной
С мятежным полчищем страстей;
Она залог победы трудной,
Страданьем купленный трофей.
Мы дышим воздухом сомненья;
Мы поклялись души движенья
Очам людей не открывать;
Чтоб черной бездны вновь не мерить,
Не все друзьям передавать,
Себе не твердо доверять,
И твердо – женщинам не верить.
Что ж? – Непонятные, оне
Сперва в нас веру усыпляют,
Потом ее же в глубине
Души холодной возбуждают.
Своим достоинством опять

Они колеблют наши мненья,
Где роз не нужно им срывать,
Срывают лавры уваженья;
И снова им дано смутить
В нас крепкий сон души и сердца,
И закоснелого безверца
В его безверьи пристыдить.

Две прелестницы

Взгляните. Как вьется, резва и пышна,
Прелестница шумного света.
Как носится пламенным вихрем она
По бальным раскатам паркета.
Владычицу мира и мира кумир —
Опасной кокеткой зовет ее мир.
В ней слито блистанье нескромного дня
С заманчивой негою ночи;
Для жадных очей не жалеют огня
Ее огнестрельные очи;
Речь, полная воли, алмазный наряд,
Открытые перси, с кудрей аромат.

«Кокетка! кокетка!» – И юноша прочь
Летит, поражен метеором;
Не в силах он взора ее превозмочь
Своим полудевственным взором.
Мной, други, пучины огня пройдены:
Я прочь не бегу от блестящей жены.

А вот – дева неги: на яхонт очей
Опущены томно ресницы,
Речь льется молитвой, и голос нежней
Пленительных стонов цевницы.

В ней все умиление, мечта, тишина;
Туманна, эфирна, небесна она.

Толпою, толпою мечтателей к ней, —
К задумчивой, бледной, прелестной;
Но я отойду от лазурных очей,
Отпряну от девы небесной.
Однажды мне дан был полезный урок;
Мне в душу залег он, тяжел и глубок.

Я знаю обманчив божественный вид;
Страшитесь подлунной богини.
Лик святостью дышит, а демон укрыт
Под легким покровом святыни,
И блещет улыбка на хитрых устах,
Как надпись блаженства на адских дверях.

Обновление

Растворяйся, рай мечтаний!
из – за темных грусти туч
Вновь пробился яркий луч
Золотых очарований.

Муза, дай мне поцелуй!
Грудь разнежь и разволнуйся!
И из крыльев Купидона
Подари певцу перо,
Да огнем Анакреона
Блещет рифм моим серебром!

Да сверкнут в моем напеве
Блестки пламенной души!
Да спою в моей тиши
Песню сердца милой деве!
Да поймаю в море хвал
Чистый жемчуг и коралл
И создам венец чудесной,
И да будет им светло
Лучшей девой поднебесной
Херувимское чело!

Миновался мрак разлуки;

Налетают те же дни,
В сердце те же вновь огни,
Та же сила, те же звуки,
Та же дева предо мной
С той же райской красотой,
И с таинственной лаской,
С электричеством очей,
С восхитительной краской,
С чистым золотом речей!

Я затеплил вновь лампаду
Пред святынею любви
И молюсь, – мольбы мои
Льют мне на сердце прохладу,
Будто горный серафим
Машет крылышком над ним...
Рою бездну выражений;
Для любви она пуста, —
И молчанья гордый гений
Замыкает мне уста.

Повергаюсь онемелой
Пред богинею стихов;
Да пошлет мне силу слов
На возвышенное дело!
Да промчится мой напев
И прославит деву дев!
Да о ней благовествую,
Возгремлю и воспою,

И главу ее святую
Морем звуков оболю!